

РАССТРЕЛ ГРИГОРИЯ МЕЛЕХОВА

Кадр из фильма «Тихий дон»

В одном из своих интервью Михаил Шолохов, говоря о «Тихом Доне», обмолвился: «Были мысли увеличить роман еще на одну книгу, но я их оставил». И правильно сделал. Никто бы не позволил закончить роман расстрелом Григория Мелехова. А между тем именно таков жизненный финал главного героя шолоховского романа.

Краса и гордость казачества

Передо мной извлеченное из архива письмо, написанное рукой Шолохова и отправленное из Москвы 6 апреля 1926 года.

«Г. Миллерово, ст. Вешенская, х. Базки». Харлампию Васильевичу Ермакову.

Уважаемый тов. Ермаков! Мне необходимо получить от Вас некоторые дополнительные сведения относительно эпох и 1919 года.

Надеюсь, что Вы не откажете мне в любезности сообщить эти сведения с приездом моим из Москвы. Полагаю быть у Вас в мае-июне с.г. Сведения эти касаются мелочей восстания В-Донского. Сообщите письменно по адресу — Каргинская, в какое время удобнее будет приехать к Вам? Не намечается ли в этих местах у Вас длительной отлучки? С прив., М. Шолохов».

Почти год Шолохов регулярно навещал Харлампию Ермакова. Они много курили, много говорили, бывало, что и спорили. Не случайно несколько позже Михаил Александрович напишет: «Все было под рукой — и материалы, и природа. Для Григория Мелехова прототипом действительно послужило реальное лицо. Жил на Дону один такой казак... Но подчеркиваю, мною взята только его военная биография: «служивший» период, война германская, война гражданская».

Да что там «служивший» период! Внешность — и та списана с Харлампия Ермакова. Вглядитесь в снимок, сделанный тюремным фотографом, и сравните с описанием Григория. «Вислый, коршуначий нос, в чуть косых прорезях подсиненные миндалины горячих глаз, острые плиты скул обтянуты коричневой румяняющей кожей».

И биография очень близка мелеховской. В 1913-м двадцати-

двухлетним парнем Харлампию был призван на военную службу, а через год попал на русско-германский фронт. Воевал Харлампию храбро и достойно: четыре Георгиевских креста, четыре медали и звание хорунжего. В октябре 1917-го перешел на сторону революционных войск, сражался против Каледина, а потом стал одним из самых надежных рубак в хорошо известном отряде Подтелкова. В бою под Лихой был ранен и отправился домой лечиться. Пока он лечился, отряд был захвачен повстанцами. Подтелкова, Кривошлыкова и около восьмидесяти их бойцов казнили. Ермаков ринулся к красным, но станичники его перехватили и пригрозили расстрелом. Деваться было некуда, и он, если так можно выразиться, лег на дно.

Дело, конечно, прошлое, и теперь никто не сможет с уверенностью сказать, как сложилась бы судьба Шолоховского друга-героя, да, впрочем, и всего Дона,

если бы не патологическая ненависть Ленина и Троцкого к казачеству — именно они своими палаческими директивами спровоцировали массовые восстания и такие же массовые жертвы.

«ДИРЕКТИВА ЦК РКП(б). Секретно.

Необходимо учитывать опыт гражданской войны с казачеством. Признать единственно правильной самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем их поголовного истребления.

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно.

2. Конфисковать хлеб.

3. Провести полное разоружение. Расстреливать каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи».

Вслед за этой директивой появляется еще одна, не менее кровавая, — ее издало Донбюро РКП(б).

«Во всех станицах и хуторах немедленно арестовать всех видных представителей данной станицы и хутора, пользующихся каким-либо авторитетом, хотя и не замешанных в контрреволюционных действиях. Отправить их как заложников в районный ревтрибунал. В случае обнаружения у кого-либо из жителей станицы или хутора оружия будет расстрелян не только владелец, но и несколько заложников».

И покатились головы станичников под ударами красных комиссаров. Рубили и расстреливали старых вояк с медалями за взятие Шипки и молоденьких учителей, Георгиевских кавалеров, пришедших на костылях после Брусилловского прорыва, и степенных священнослужителей... Замутился тихий Дон, и все, кто мог держаться в седле, взялись за оружие. Так, в тылу Красной армии, в районе станицы Вешенской, вспыхнуло восстание. По одним данным, его возглавил Харлампию Ермаков, по другим — его брат Емельян. Так это или не так, установить не удалось, но то, что Харлампию воевал на стороне повстанцев, сомнений не вызывает. Причем был он не рядовым, а командовал всеми войсками, находящимися на левом берегу Дона.

И сам Ермаков, и его люди воевали яростно. Несколько позже, когда Харлампию арестуют и многочисленные свидетели будут изо всех сил выгораживать своего любимого есаула, одни будут его называть красой и гордостью казачества, а другие, явно сводя личные счеты, станут обвинять Ермакова в неоправданной жестокости, уверяя, что «красным никакой пощады не давал и однажды лично зарубил 18 человек матросов».

Время было лихое, в стране господствовала «революционная целесообразность», достоверность этих показаний никто не проверял, так что в протоколы попадало все — и то, что Ермакова обеляло, и то, что превращало в монстра. Позже все это выяснится, но... будет поздно.

Как я уже говорил, повстанцы воевали яростно, но силы были неравны, и казаки покатились к морю, вплоть до Новороссийска. Ермаков эвакуироваться отказался и явился к командованию Красной армии с предложением своих услуг. Ему поверили и поручили из оставшихся белоказачьих сформировать отдельную бригаду. Вскоре бригада была сформирована и влилась в состав 1-й Конной армии под командованием Буденного.

Потом были бои на польском фронте, участие в разгроме Врангеля, преследование банд Махно, и все это в должности командира полка, а затем начальника дивизионной школы. В феврале 1923-го Харлампию наконец-то демобилизовали, и он вернулся домой. Причем, как он

впоследствии рассказывал, шел пешком через застывший Дон и на берегу встретил сына.

Напомню, что именно этим эпизодом заканчивается роман. О том, что было дальше, Шолохов не написал ни строчки, хотя, как мы уже знаем, очень хотел...

Продолжение, которого не было!

Что же было с его другом дальше, и каким могло быть продолжение романа? А дальше произошло следующее... Всего год прожил Харлампию с женой и детьми: 4 февраля 1924 года было заведено дело № 246 «О контрреволюционном восстании в Верхне-Донецком округе», и Ермакова арестовали. На допросах он не отрицал, что в восстании участвовал, но, как он говорит, «под угрозой оружия и расстрела всей семьи».

— Кто был организатором восстания, и каковы его причины? — допытывался следователь.

— Организаторами были Суяров, Медведев и Кудинов. А причиной явились расстрелы, поджоги и насилия со стороны Красной гвардии.

Поняв, что допустил оплошность, назвав имена подлинных организаторов восстания, буквально на следующем допросе Харлампию исправляет ошибку, заявив, что истинным организатором восстания был его брат Емельян, который... недавно умер. И все! Концы, как говорится, в воду.

Тем временем земляки Харлампия не сидели без дела. Они сочинили и подписали всем хутором очень любопытный документ, который в те годы назывался — ОДОБРЕНИЕ.

«Мы, нижеподписавшиеся, даем настоящее одобрение гражданину нашего села Ермакову Х. В. в том, что он действительно честного ведения и за ним не замечено никаких контрреволюционных идей, а наоборот: охотно

Москва
6/4-26.

Уважаемый тов. Ермаков!

Мне необходимо получить от Вас некоторые дополнительные сведения относительно эпох и 1919 года.

Надеюсь, что Вы не откажете мне в любезности сообщить эти сведения с приездом моим из Москвы. Полагаю быть у Вас в мае-июне с.г. Сведения эти касаются мелочей восстания В-Донского. Сообщите письменно по адресу — Каргинская, в какое время удобнее будет приехать к Вам? Не намечается ли в этих местах у Вас длительной отлучки?

С прив. М. Шолохов

Конца
Подписано: Михаил
Шолохов

Факсимиле шолоховского письма герою своего романа

работал в сельсовете, проводил собрания, беседовал о налоговой кампании и первым откликнулся на призыв властей по погрузке хлеба в баржи».

Надо сказать, что по этому делу проходило еще семеро казаков, и все они держались стойко, друг на друга не наговаривали и все обвинения в жестокости и насилии отрицали. В мае 1925 года это признал и суд, определив, что «обвиняемые были не активными, добровольными участниками восстания, а призваны по мобилизации окружным атаманством. Из-

Харлампию Ермаков.
Фото из расстрельного досье

биение и убийство граждан происходили не на почве террористических актов как над приверженцами Соввласти, а как над лицами, принимавшими участие в расхищении их имущества. С момента совершения этих преступлений прошло более семи лет, обвиняемые за означенное время находились на свободе, занимались личным трудом, не будучи ни в чем замечены. Большинство из них служили в Красной армии и имеют несколько ранений.

Решение суда: настоящее дело производством прекратить по целесообразности».

Дело прошлое, но кровь на обвиняемых была. У суда это не вызвало сомнений, да и свидетельские показания, если так можно выразиться, вопиют, но такова была в 1925 году «революционная» реальность. В 1927-м реальность стала другой — и в январе Харлампия снова арестовывался.

На этот раз следователи были позубастее. Они нашли свидетелей, которые заявили, что «расстрелы красноармейцев проходили при участии самого Ермакова», что «в станице Вешенской вел антисоветскую агитацию», что «объединяет вокруг себя кулаков, а бедноту ненавидит, говорит, что рано или поздно придет наша, офицерская власть и тогда мы вам покажем».

В неудачное, в очень неудачное время попал под арест Харлампию Ермаков. Начинаясь коллективизация, казачество ей противилось, Дон мог снова взорваться — и большевики решили себя обезопасить, пустив в ход директивы РКП(б) 1919 года. Несмотря на официальный протест прокурора области и просьбу «дело производством прекратить за отсутствием состава преступления», 6 июня 1927 года коллегия ОГПУ постановляет: Ермакова Харлампия Васильевича расстрелять». 17 июня приговор был приведен в исполнение.

Напомню, что чуть больше года назад Михаил Шолохов впервые написал Ермакову, а потом так сильно его полюбил, что чуть ли не буквально «списал» с него своего главного героя, на котором держится весь роман. Представьте себе на минуту, что Шолохов не познакомился с Ермаковым — и не было бы тогда Григория Мелехова, ставшего символом вольного Дона. Возможно, был бы кто-то другой. Другой, но не Мелехов.

Вот так соединились три судьбы: Харлампия Ермакова, Михаила Шолохова и Григория Мелехова.

Не дождался Михаил Александрович и реабилитации своего друга-героя — это произошло лишь в августе 1989 года, когда постановлением президиума Ростовского областного суда дело против Харлампия Ермакова было прекращено за отсутствием в его деянии состава преступления. Он был реабилитирован посмертно.

Борис СОПЕЛЬНЯК
Ростов-на-Дону — Москва

Веч. Москва — 2004 — 17 марта — с. 4